

Это был уже следующий день нового календарь, 991 год, сорок седьмая неделя, пятница. Даже те инквизиторы, у которых обычно выпадал плановый выходной, могли после окончания смены рассчитывать на расслабленный отдых.

Так и положено. Но, к сожалению, из-за режима локдауна в центральном отделении Инквизиции Шпиневилля инквизиторы оказались втянуты в бесконечные переработки, и до покоя им было далеко.

В шесть вечера, в обычное время ужина большинства инквизиторов, у которых не стояло дежурств — отряд Песнелета, что в последнее время часто действовал вместе, наработывая согласованность, — собрался за столом в столовой четвёртого сектора. Они ещё не успели как следует устроиться, как заметили идущего к ним человека, который не должен был появляться в этом месте.

Одетый в белую рубашку и кожаные брюки, в коротких сапогах и с повязкой на глазах (на левом глазу отчётливо выделялась закреплённая марлевая прокладка), Линь, выдерживая множество взглядов, сел рядом с Песнелетом.

Устроившись поудобнее, он бросил взгляд на тарелку Песнелета и без особых эмоций бросил:

— Хорошо питаешься.

— Да это всё стандартные блюда, что бесплатно выдаёт столовая, — скосил на него взгляд Песнелет. — Говори прямо, зачем пришёл.

— Так не у всех. Так как в четвёртом секторе больше боевых инквизиторов, у вас мясных блюд тоже больше, даже свинина иногда бывает, — пояснил Линь, взглянув на тарелки Кандис и Ходогора. Сам он, не чувствуя аппетита, разрезал варёное яйцо на две половины. Ходогора указала на маленький кусочек отбивной в своей тарелке и спросила, не поделится ли.

Линь покачал головой. Врачи строго велели ему в ближайшее время есть только лёгкую пищу. Но с тех пор, как он оказался здесь, ему казалось, что он и так питался чересчур пресно: даже мясные блюда содержали лишь соль, сахар и кислый соус, никаких специй.

Он ещё раз разрезал половинку яйца и сказал:

— Я пришёл, чтобы спросить о ритуале инаугурации служителя.

— Ритуал инаугурации? — Ходогора не поняла, с чего он вдруг про него вспомнил.

— А, ты же стал известным; может, кто-то попросил тебя провести ритуал? — предположил Песнелет.

Даже Кандис перестала втягивать лапшу. В отличие от других, два дня назад она вместе с Линем в тоннеле слушала кощунственные речи Листчеса Азари. И хоть Кандис считала, что в его словах было много заблуждений, в одном он оставался прав.

Молодые ритуалисты часто погибали преждевременно. Те же, кому удавалось дожить до пенсии, сталкивались с жестокой реальностью: они старели куда быстрее своих коллег.

«Неужели Линь тоже в чём-то соглашается с теми словами и хочет сам стать служителем, чтобы избежать подобной участи?»

— Мне для научного исследования, — пояснил Линь. — Мне нужно заново систематизировать мою систему расчётных формул: какие сокращения магических кругов допустимы, а какие нет, разложить все официальные ритуалы на эти категории. С другими ритуалами ещё можно справиться, я смогу их постепенно разобрать. Но ритуалы инаугурации — я никогда с ними не работал. А требования к материалам там часто такие абстрактные...

Он оставил в покое своё яйцо и развёл руками перед четырьмя боевыми служителями в жесте полной беспомощности.

— Вот как, — великодушно произнесла Ходогора. — Так что именно ты хочешь узнать?

— Абстрактные? — удивился Песнетет, плохо представлявший себе ритуалы других служителей, помимо механиков.

— У служителей Золотого Молота требования выглядят более материальными, — сказал Линь, взглянув на него. — Насколько я помню, кандидат в механики обязан сам, от исходных материалов и до конца, изготовить управляемого дистанционно робота?

— Верно. И он должен быть ростом с самого кандидата, — кивнул Песнетет. — Хотя я и до сих пор не очень силён в антропоморфных моделях. В работе всё же полезнее машины в форме животных или насекомых.

— Да, — слегка склонил голову Линь. — Потому что настоящий материал ритуала — это сам будущий механик, его отношение к связи между человеком и машиной, между машиной и самим собой. Если он просто тупо скопирует чертёж предшественников, без всякого осмысления, то даже при готовом роботе ритуал провалится.

— Что? — искренне поразился Песнетет, который сам когда-то становился служителем «по инструкции». — Я и не знал!

— Но если знать это требование заранее, то кандидату будет трудно сосредоточиться именно на изготовлении робота, — пояснил Линь. — Так говорила моя наставница. Конечно, сам робот тоже имеет большое значение, иначе ритуал потребовал бы от вас не робота, а эссе о

взаимоотношениях человека и машины.

Песнелет подумал и кивнул:

— Очень абстрактно.

— Вот именно, — вздохнул Линь. Он весь день ломал голову, как провести ритуал для Кристабель, и уже ощущал, как звон в голове почти заглушал бесконечный шум приборя. — Вот, например, самые обычные служители-культисты — озверевшие. Для их ритуала инаугурации требуется содрать кожу с кровного родственника, убить его и вместе с этой кожей принести в жертву Деве Серебряной Луны. Снаружи кажется, что речь идёт о действиях — содрать, убить и принести. Но на самом деле ритуал требует, чтобы они содрали с себя человеческую оболочку и внутри отказались от человеческой морали. Тоже абстрактно.

— А у рыцарей крови что символизирует ритуал? — заинтересовалась Ходогора. — Помню, меня в своё время бросили в кровавый пруд храма Матери, и я там буквально растворилась. Потом меня вытащил епископ, и я уже была служителем.

Песнелет:

— ...

Кандис:

— ...

Линь:

— ...

«У служителей Матери Первозданной Крови ритуал, похоже, чересчур радикальный».

— Нужно было постичь саму суть крови, — сказал Линь. — Но что именно ты поняла и прочувствовала — это уже вопрос к тебе самой.

Все успешно прошедшие инаугурацию становились внешне одинаковыми низкоуровневыми механиками или рыцарями крови. Но в области ритуалистики уже существовали серьёзные исследования, показывающие, что глубина понимания и «прочувствования» в ходе ритуала влияла на врождённые таланты служителя, количество магии и скорость продвижения к более высоким уровням.

Именно из-за этого Линь всё сильнее мучился вопросом, как же быть с Кристабель Померан.

В её нынешнем состоянии — вроде бы есть у неё мозги, а вроде бы и нет: то включатся, то выключатся — даже если он, приложив невероятные усилия, составит для неё ритуал, сможет ли она действительно выполнить его требования?

Он очень волновался. Раньше он не тревожился о Кристабель так сильно, но её вчерашний безрассудный порыв здорово его напугал.

Снаружи Линь продолжал беседу с товарищами, а в голове уже погрузился в раздумья.

— Если так подумать, — вдруг сказала Ходогора, — абстрактные части ритуала больше похожи на то, что именно бог ожидает от нас?

Линь вздрогнул.

— Мать хотела, чтобы я постигла суть крови; поняла, почему кровь — это источник жизни, — конелюдка благоговейно прижала руку к груди, ощущая биение сердца. — Кто не может этого понять, тот, естественно, не заслуживает признания Матери и не может идти с ней в бой.

— Мой бог куда больше заботится о человеке и обществе, чем я думал... — Песнелет нахмурился. — Скверно. В средней школе у меня гуманитарные науки шли хуже всего.

Кандис промолчала, но тоже явно задумалась.

Линь стал медленно доедать своё варёное яйцо, нарезанное на кусочки.

Он, наконец, нащупал нить размышлений.

«Надежды и ожидания богов от людей?..» — выросший в безбожном мире и не веривший в религию Линь действительно никогда не смотрел под таким углом.

Мысль постепенно формировалась в его голове, но до того, как она сформировалась окончательно, кое-кто прервал его.

— Эй, Линь!

Знакомый светловолосый красавец недовольно хлопнул его по плечу:

— Ты чего сюда, в этот сектор, есть припёрся? Из-за тебя мне пришлось лишний раз топтать в сектор два!

«Это что, расплата за то, что я столько раз тянул с секретаря Ловветро деньги за переработку?» — едко подшутил про себя Линь и, потеряв нить своих мыслей, просто сглотнул последнюю таблетку витаминов.

— Помоги мой поднос отнести, — сказал он Ходогоре, вставая и не здороваясь со секретарём. Вместе они двинулись к выходу из столовой.

Ходогора с недоумением посмотрела им вслед.

— Задание?

— Не спрашивай, — не поднимая головы, буркнул Песнетет, всё ещё ломавший голову над гуманитарными и точными науками.

***

И никто не стал спрашивать.

По пути в столовую несколько знакомых инквизиторов поприветствовали Линя, но, когда он шёл уже вместе с секретарём Ловветро, на них обоих будто не обращали внимания.

— Они скрывают любопытство до ужаса очевидно... — пробурчал Линь. Теперь, когда мысли снова заработали, язвил он куда больше обычного.

— Ну, максимум кто-то догадается, что верховному инквизитору сейчас нужен ритуалист, — спокойно заметил секретарь, — или уж совсем нелепо предположат, что ты займёшь место директора ритуального подразделения. В утечке такого масштаба нет ничего страшного.

— А? Директора? — Линь удивился. Он понимал: Ловветро просто так слов на ветер не бросал — значит, пока он торчал в библиотеке, такие слухи и правда уже поползли. Но он — тёмный бог, который всего полгода назад проник в Инквизицию; слишком уж высоко его бы не оценили, не так ли?

Хотя, если честно, когда он пробирался в Инквизицию, он ещё не знал, что он бог.

— На такие посты берут только с управленческим опытом, — прикинул Линь. — Тут ведь в центральном отделении подходящих людей нет? Может, из другого отдела переведут какого-

нибудь опытного ритуалиста?

Секретарь улыбнулся, но ничего не ответил.

«Ага, значит, это та часть, о которой нельзя говорить вслух?»

Линь оставил догадки и перевёл разговор на другое. Они доехали на трамвае до первого сектора и поднялись в здание, где недалеко от большого зала заседаний дверь в кабинет верховного инквизитора была распахнута настежь.

Оттуда доносились голоса, и оба казались Линю очень знакомыми.

Не успел секретарь постучать в открытую дверь, как один из голосов — голос Фельдграу Дуофюра — повысился:

— Входите.

Линь вместе с Ловветро вошёл в кабинет. За столом, разговаривая с Фельдграу, сидела женщина, которая тут же обернулась и, широко улыбаясь, поприветствовала Линя:

— Линь, ты выглядишь неважно. Если ранен, не засиживайся ночами за учёбой.

Её тон звучал очень дружески; и действительно, отношения у них были близкие.

Яркитога Драконли — директор ритуального факультета в школе инквизиторов Шпиневилля и наставница Линя.

Ей было сорок пять, но с макияжем она выглядела моложе. Среднего роста, очень стройная, сегодня в синем костюме, с очками в роговой оправе. Её длинные каштановые волосы спадали до талии, а на макушке торчала пара кошачьих ушей, направленных в разные стороны.

За спиной мягко покачивался хвост того же цвета, с чёткими чёрными кольцами на конце.

Вид полосатой кошки дал Линю ответ на вопрос, мучивший его по пути:

— Наставница.

— Я так рада, — обратилась Яркитога к Фельдграу, — верховный инквизитор, вы даже позаботились о том, чтобы дать мне знакомого помощника?

— Линь просто оказался в курсе, — пояснил Фельдграу. Он тоже взглянул на Линя и мягко улыбнулся. — Хотя вы в представлении друг другу и не нуждаетесь, но всё же скажу официально. Это ваш новый директор ритуального подразделения — Яркитога Драконли. Прежде чем она вступит в должность, я хочу, чтобы вы вдвоём спроектировали и провели ритуал с использованием «Раковины», чтобы найти тот исчезнувший осколок.

— Доверьте это нам с моим учеником, верховный инквизитор, — уверенно заявила Яркитога.

— Хорошо, — сказал Линь и почувствовал, как снова заняла левая глазница.

Переключившись в рабочий режим, Яркитога повернулась к Линю и предложила:

— Используем бинарный ритуал? Я буду представлять основу, а ты — тот осколок.

— ... — Линь сохранил невозмутимое лицо. — Да, думаю, подойдёт.

<http://bllate.org/book/12612/1119979>